

Моя война. Чеченский дневник окопного генерала

Трошев Геннадий

«У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА, НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ»

Улус-Керт. Название этого горного чеченского села словно заноза болью отзывается в моем сердце. В самом конце зимы 2000 года недалеко от Улус-Керта приняла неравный бой с почти двадцатикратно превосходящим врагом 6-я парашютно-десантная рота 76-й псковской дивизии ВДВ.

Я знаю, что в сознании многих моих соотечественников, равнодушных к судьбе России и ее армии, сложился устойчивый стереотип: мол, в гибели псковских десантников виноваты исключительно российские генералы. Журналисты, деятели от политики, как гранатами, забросали нас вопросами и упреками: почему не спасли, почему не оказали помощь, почему дали уйти главарям террористов от возмездия? Мне, исполнявшему в то время обязанности командующего ОГВ, нелегко принимать и переносить эти беспощадные, но во многом справедливые упреки.

Сегодня, когда, кажется, отбушевал «девятый вал» сплетен и домыслов вокруг трагедии 6-й роты, многим, думается, будет любопытно узнать, что же на самом деле произошло в последние зимние дни и первые дни весны на злосчастной высоте 776,0.

Итак, частично я вынужден повториться, иначе ход событий возле Улус-Керта будет непонятен.

В феврале 2000 года мы подготовили бандитам неприятный сюрприз, когда в глубоком тылу, в районе Итум-Кале, высадили тактический десант. Тем самым был перерезан основной тогда канал поставок вооружения и боеприпасов по горной дороге Итум-Кале — Шатели, которую построили для боевиков под дулами автоматов сотни «рабов» со всей России. Созданная на высоких кавказских хребтах группировка войск «Центр» стремительно погнала опешившего от неожиданности противника вниз по Аргунскому ущелью: от российско-грузинской границы — на север, к «Волчьим воротам». Дальше была равнина. И главари боевиков понимали, что здесь все их попытки оказать вооруженное сопротивление обречены. Поэтому они разделились на несколько отрядов. Руслан Гелаев не был оригинален и повел свою банду на северо-запад, в свое родовое селение Комсомольское. Согласно разведдонесениям, арабские наемники и чеченские ваххабиты под командованием Эмира Хаттаба двинулись северо-восточнее, в сторону Дачу-Борзой и Зоны.

Выбор места для прорыва из этого района у зажатого со всех сторон нашими частями Хаттаба был, мягко говоря, ограниченным. Чтобы пробиться в Веденский район (где у Черного араба была разветвленная сеть небольших

горных баз), ему нужно было двигаться на Сельментаузен вверх либо по руслу реки Шароаргун, либо по руслу ее притока — реки Абазулгол. Передвигаться по высокогорным скользким дорогам было и опасно, и долго.

Однако мы не могли тогда предположить, что противник рискнет пробиваться на восток крупными силами. Банды соединились. К отрядам арабских наемников «прилепились» банды других полевых командиров — Шамиля Басаева, Вахи Арсанова, Багауди Бакуева, отряд «Джамаат»... Всего, как потом выяснилось, в районе Улус-Керта тогда сосредоточилось около полутора тысяч хорошо подготовленных боевиков.

28 февраля распоряжением командующего восточной группировкой войск полковой тактической группе 104-го гвардейского парашютно-десантного полка была поставлена задача: до 14.00 следующего дня завершить выход на рубеж в четырех километрах юго-восточнее Улус-Керт. Часть сил полка блокировала район населенного пункта Сельментаузен и не допускала прорыва в направлении Махкеты, Киров-Юрт, Элистанжи, Ведено. Однако боевики пошли напролом.

Первыми, кому пришлось держать испытание на прочность, были десантники 3-й роты во главе со старшим лейтенантом Васильевым. Они заняли господствующие высоты в пяти километрах восточнее Улус-Керта. Бандиты безуспешно пытались пробиться по руслу реки Абазулгол через организованную ротную систему огня и отступили, понеся значительные потери.

В то же время подразделения второго батальона, до поры до времени не вступая в открытое огневое противодействие, держали под контролем господствующие высоты над Шароаргунским ущельем.

Чтобы исключить возможность просачивания боевиков по горам между руслами рек Шароаргун и Абазулгол, командир 104-го полка приказывает командиру 6-й роты майору С. Молодову занять еще одну господствующую высоту (Исты-Корд) рядом с Улус-Кертом. А поскольку ротный был буквально накануне переведен в часть и еще не успел толком познакомиться с личным составом, возглавить подразделение пришлось командиру второго батальона подполковнику Марку Евтюхину. В подобной боевой ситуации так и поступают настоящие офицеры.

Десантников ждало нелегкое испытание. Нужно было в считанные часы совершить пятнадцатикилометровый марш-бросок в заданный квадрат по скользким зимним горным тропам, с полной боевой выкладкой. Да плюс ко всему тяжелое снаряжение для нового базового лагеря — палатки и печибуржуйки, без которых зимой в горах просто не выжить.

Хотя гвардейцы и спешили, но выйти вовремя на Исты-Корд им не удалось. Чтобы пробиться по хребтам через старый буковый лес, пришлось идти гуськом,

друг за другом. Техника здесь не пройдет. Стоило кому-либо поскользнуться на крутом склоне — срабатывал принцип «домино» — падало уже несколько человек. Много времени и сил уходило на то, чтобы снять с себя тяжелый груз и поднять упавших вниз товарищей.

По этому поводу мне приходилось слышать упрек: а почему нельзя было перебросить десантников на вертолете в указанный район? Действительно, погодные условия в тот день позволяли это, да и вертолетчики наши творят чудеса. Но осуществить такую операцию было невозможно: воздушная разведка не обнаружила в старом горном лесу ни одной подходящей для десантирования площадки.

В полдень 29 февраля, когда основные силы 6-й роты находились на высоте 776,0, разведгруппа из пяти человек под командованием старшего лейтенанта А. Воробьева налегке уже почти достигла высоты Исты-Корд. Но у подножья горы обнаружили, как потом установили, передовой дозор из 20 наемников.

Используя складки местности, нашим разведчикам удалось незаметно сблизиться с врагом и забросать его гранатами. Но группа этим самым обнаружила себя и вынуждена была срочно отходить назад, к основным силам роты. За ней буквально по пятам уже гнались несколько вражеских отрядов, намереваясь по флангам окружить разведчиков. На выручку своим выступили десантники во главе с ротным командиром — майором Молодовым. Но силы во встречном бою оказались слишком неравными. Поэтому десанникам пришлось с ранеными на плечах возвращаться на высоту 776,0.

Именно в это время нам удалось перехватить разговор по радио Хаттаба с Басаевым:

— Если впереди собаки (так боевики называли представителей внутренних войск), можно договориться.

— Нет, это гоблины (т.е. десантники на жаргоне бандитов).

Тогда Басаев советует Черному арабу, руководившему прорывом:

— Слушай, может, давай обойдем? Они нас не пустят, только себя обнаружим...

— Нет, — отвечает Хаттаб, — мы их перережем.

В тот момент боевики двигались двумя приблизительно равными отрядами вдоль рек Шароаргун и Абазулгол, в обход с двух сторон высоты 776,0, на которой находились подчиненные М. Евтюхина. Первыми, обеспечивая безопасность, шли две группы разведки — по 30 человек, за ними — два отряда боевого охранения — по 50 человек. Двигались они скрытно, стрелять без

разрешения было строжайше запрещено. Но десантники их обнаружили. Вот эти 160 боевиков и погнались за отходившими группами Воробьева и Молодова.

И тут же последовал приказ Хаттаба на поражение всеми видами огня не успевших окопаться десантников. Начался жесточайший минометный обстрел. После огневого налета гвардейцам было первый раз предложено сложить оружие и сдаться в обмен на сохранение жизни. Но ни один из десантников не дрогнул, не смалодушничал в тот момент, не поддался на провокацию противника. Хотя в такие минуты, по большому счету, каждый решает сам за себя. После отказа «десантуры» капитулировать бой возобновился с новой силой.

Позже некоторые быстрые на выводы и далекие от военного дела представители политической элиты, как они любят себя именовать, вопрошали: мол, почему не применялся огонь армейской авиации, артиллерии? В вину военному командованию, «бросившему десантников на произвол», ставилось даже отсутствие в группе М. Евтюхина артиллерийского корректировщика. Я понимаю, что эмоции били через край, и по-человечески такие упреки можно понять. Но факты — упрямая вещь. И они свидетельствуют о другом.

1200 (!) снарядов «высыпали» артиллеристы 104-го полка в район высоты 776,0 с полудня 29 февраля до раннего утра 1 марта. За одну ночь — 900 снарядов! Краска на стволах обгорела, откатники треснули и потекли. Образно говоря, пушки сломались, а окруженные десантники — нет.

Старший группы артиллерийских корректировщиков командир самоходной артиллерийской батареи капитан Виктор Романов был на самой высоте и вместе с комбатом Марком Евтюхиным корректировал огонь полковых пушкарей. Начальник артиллерии полка Александр Толстыка сутки напролет держал с ними связь и долбил снарядами туда, куда «показывали» окруженные десантники. В. Романов продолжал вызывать огонь даже после того, как ему оторвало миной обе ноги...

Рядовой Е. Владыкин, видя мучения замерзающих от сильного холода раненых, решил сделать вылазку за спальными мешками, брошенными на склонах высоты. Его попытка оказалась роковой. Гвардейца обнаружили наседавшие боевики, зверски пытали, били прикладами автоматов, после чего, окровавленного и потерявшего сознание, бросили на снег, считая, что он мертв. Однако, очнувшись от ночного холода, искалеченный, но не сломленный, русский солдат сумел вернуть свой пулемет и пробиться с ним в расположение своего подразделения.

Видя потери и понимая весь трагизм ситуации, командующий группировкой ВДВ, чтобы спасти своих окруженных бойцов, отдал приказ парашютно-десантной роте направиться в район боя. Совершив марш по горной местности, десантники предприняли попытку переправиться через горную реку Абазулгол,

попали в засаду и были вынуждены закрепиться на берегу. При огневой поддержке полковой артиллерии они сделали еще несколько попыток переправиться через реку, но все усилия оказались напрасными. Их каждый раз останавливал шквальный огонь противника. Билась рота отчаянно, но прорваться к высоте 776,0 смогла только утром 2 марта.

Попытки военного руководства провести операцию по деблокированию окруженных десантников и эвакуации раненых из-за сильного огня боевиков и сложных горных условий междуречья успеха не принесли. Старый буковый лес, превосходящие силы боевиков, общая динамика боя затрудняли использование вертолетов. Да и вообще, боевой опыт показывает, что применять одновременно армейскую авиацию и артиллерию крайне опасно. Можно просто погубить авиатехнику и экипажи. Поэтому основную нагрузку по огневой поддержке окруженных взвалили на свои плечи «пушкари».

В 6 часов 10 минут 1 марта комбат М. Евтюхин последний раз вышел в радиоэфир и вызвал огонь артиллерии на себя...

Когда мы уже побывали на высоте, то изумились: многолетние буки были подстрижены снарядами и минами, словно трава сенокосилкой. Наши 120-миллиметровые «Ноны» (самоходные артиллерийские установки) работу сделали большую и ценную. Из четырехсот хаттабовцев, нашедших свою смерть в бою за эту высоту, большая часть погибла от осколков наших артснарядов.

Буквально чудо сотворил заместитель командира батальона майор Александр Доставалов, который ночью все же умудрился обойти вражеские кордоны и прорвался со взводом 4-й роты на помощь окруженной 6-й. Героически сражались с бандитами разведчики во главе со старшим лейтенантом Алексеем Воробьевым и разведзвод лейтенанта Дмитрия Кожемякина. Оставшийся в живых солдат Алексей Комаров рассказывал, что с бандитами дрались даже врукопашную. Рубились саперными лопатками, ножами, прикладами.

У А. Воробьева осколками мин были перебиты ноги, одна пуля попала в живот, другая — в грудь, но из боя он не вышел и бился до последней капли крови. Когда утром 2 марта 1-я рота прорвалась на высоту, тело героя было еще теплым. Именно этот отважный офицер убил в бою Идриса — хаттабовского друга и командира отборного отряда головорезов.

До последнего патрона прикрывал отход своих подчиненных — старшего сержанта Супонинского и рядового Поршнева — лейтенант Дмитрий Кожемякин.

Только четверо десантников остались в живых после этого жесточайшего боя. От них мы узнали, как героически сражались и погибли их 84 боевых товарища. Они победили, банда — около полутора тысяч «штыков» — была остановлена,

разгромлена и рассеяна по округе. Хаттабовцы так и не смогли прорваться к Сельментаузену и дальше — на Ведено. В результате бандиты вместо сытного ужина и обустроенного ночлега вынуждены были продолжать скитаться одичалыми шайками по лесам. В спину им постоянно дышали наши поисково-разведывательные группы, которые добивали обескровленного противника. Через несколько дней под Сельментаузенем впервые в контртеррористической операции в полном составе капитулировал крупный отряд террористов — свыше 70 боевиков! Обмороженные, деморализованный головорезы не видели больше перспектив для сопротивления. Герои-десантники разрушили не только их планы, они сломали волю неприятеля.

Никто из гвардейцев не бросил своих боевых друзей в беде, никто не согласился принять позорные предложения плена. Там, на высоте 776,0, в наших боевых порядках бок о бок воевали люди разные — христиане и мусульмане, разных национальностей — русские и татары, украинцы и евреи... Там был представлен в миниатюре почти весь бывший Советский Союз.

В наши трудные времена порушились многие моральные ценности. Но сколько ни пытались наши враги размывать нравственные ориентиры, в армии им это не удалось. Глядя на наших десантников, понимаешь -патриотизм жив. Всем бы в России хоть немного того, что было в их душах. Страшно, если сердца пусты, если память мертва, если убитых горем матерей, жен и детей этих павших десантников забудем. Если не завершим начатое в августе 1999 года!

Я часто задаю себе мучительный вопрос: а можно ли было избежать таких потерь, все ли мы сделали, чтобы спасти десантников? Ведь твой долг, генерал, в первую очередь заботиться о сохранении жизни. Как ни тяжело сознавать, но, наверное, мы сделали тогда не все.

Восстанавливая хронологию того боя, думаю все о той же возможности высадки вертолетами десанта. И снова отвергаю такой вариант, как будущую авантюру. Знали ли, сколько террористов и где их позиции? Нет. Что значит высадить десант на старый буковый лес? А то, что вертолеты с подмогой боевики бы просто уничтожили? Можно было рискнуть? Да, если не знать, что ты погубишь, спасая одну роту, другую вместе с авиатехникой и экипажами...

Недавно, перечитывая «Армейские записки» легендарного русского генерала Михаила Ивановича Драгомирова, наткнулся на любопытную мысль: "Человек, командующий массой себе подобных, поставлен в роковую необходимость примириться с безвременною гибелью некоторых из них; и благо ему, если, пройдя в этой роли даже недолгий путь, он может, положив руку на сердце, сказать: «На моей душе много существ, безвременно погибших; но с чистой совестью могу сказать, что я ни одним не пожертвовал во имя безделья и сделал все доступное слабому моему пониманию, дабы по возможности ограничить эту жертву».

И все же. Хотя основная боевая задача была решена псковскими героями-десантниками, разгромившими элитные отряды наемников Валида и Идриса, в моем сердце навсегда остались горькие, тяжелые переживания. Видимо, без этого немислима профессия военного.

КОМСОМОЛЬСКОЕ. МАРТ 2000 г.